

Формула Грюнвальда

Нынешний год прошел в Беларуси и многих других странах Восточной Европы, безусловно, под знаком Грюнвальда. 600-я годовщина великой битвы, совпавшая с 660-летием со дня рождения одного из ее главных героев – великого князя литовского Витовта (1350–1430), неожиданно потеснила как медиасобытие многие злободневные политические сюжеты на телеэкранах и газетных страницах.

Центром официального празднования грюнвальдской годовщины стал Новогрудок, где в июне состоялся V фестиваль средневековой культуры «Новогрудский замок – 2010». В его открытии приняли участие министр культуры Беларуси Павел Латушко, председатель Гродненского облисполкома Семен Шапиро, дипломаты сопредельных с Беларусью стран. Внимание, проявленное к грюнвальдской дате со стороны государства, в общем-то можно назвать беспрецедентным для Беларуси. Это тем более примечательно, что отечественная историческая наука до сих пор так и не представила обобщающие труды о Грюнвальде и связанной с ним эпохе, а главное, не предложила новое современное осмысление великого сражения с белорусскоцентричных позиций.

Впрочем, и в отечественной историографии давно уже не бывало столь грандиозного и масштабного празднования какой-либо памятной даты средневековья. На протяжении года в нашей стране состоялось не менее пяти-шести круглых столов и научных конференций, посвященных Грюнвальду и истории Великого княжества Литовского этого периода, в которых приняли участие лучшие силы белорусской медиавистики. Если по итогам каждого из этих мероприятий (несмотря на то, что состав участников часто в той или иной степени повторялся) будут выпущены сборники публикаций, то имеет смысл рассчитывать на весомые научные результаты Года Грюнвальда и на то, что значение битвы в государственной идеологии Республики Беларусь будет неуклонно возрастать.

Среди важнейших научных работ, вышедших в Беларуси и приуроченных к го-

довщине Грюнвальдской битвы, следует, прежде всего, отметить монографию пинского историка Руслана Гагуа «Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410». В 2009 году произошло также событие, ставшее, без всякого преувеличения, сенсацией среди специалистов, занимающихся историей ВКЛ XIV–XV веков. Заведующий отделом истории Беларуси средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси Александр Груша обнаружил подлинник грамоты пинского князя Василия Наримонтовича, которая, скорее всего, датируется 1390 годом. Этот пергамент долгие годы хранился в Музее белорусского Полесья в Пинске, однако не был известен историкам. Мало того, что грамота Василия Наримонтовича – это, пожалуй, старейший исторический документ, сохранившийся в оригинале на территории Беларуси (до этого старейшей была грамота князя Федора Кориатовича 1392 года, также открытая А. Грушей), вдобавок эта находка дает надежду, что в музеях и частных собраниях Беларуси могут еще находиться не менее интересные раритеты.

Отмечалась Грюнвальдская годовщина и в соседних странах – Польше, Литве, Украине, России. Но ни одно из мероприятий, даже польское, в жаркий июльский день собравшее на Грюнвальдском поле около 200 тыс. зрителей и 2 тыс. «рыцарей» – любителей исторической реконструкции, так и не переросло локальный уровень, не стало событием международного значения для региона Центральной и Восточной Европы. А потенциал для этого у Грюнвальдского сражения, пожалуй, был не меньший, чем у памятных дат, связанных с Первой и Второй мировыми войнами. Почему же память о Грюнвальде не стала фактором, объединяющим страны и народы? Очевидно, что идея собрать на поле старинного противостояния для символического «примирения и взаимопонимания» глав всех государств, где живут потомки победителей и побежденных, просто витала в воздухе.

Думается, причиной, почему эта идея так и не была реализована, стал не только

Монумент на месте битвы под Грюнвальдом

финансовый кризис, из-за которого значительная часть торжеств была свернута, и не только амбиции ряда современных политиков, прежде всего польских. Польша, как главный фигурант Грюнвальдской победы и главный организатор праздничных торжеств, видимо, не устраивает многие политические силы, прежде всего, в самом Евросоюзе. Дело даже не в притязаниях Польши как правопреемницы Речи Посполитой на особую геополитическую роль в восточноевропейском регионе. В Евросоюзе, экономическим и политическим мотором которого является Германия, с неудовольствием воспринимаются любые акценты на исторических событиях, в которых немцы бывали нещадно биты. И если, скажем, европейская общественность готова отмечать высадку союзников в Нормандии или годовщину окончания Первой мировой войны в силу давнего антагонизма между Францией/Великобританией и Германией, то появление аналогичного праздника-символа с антинемецким подтекстом, объединяющего целый восточноевропейский регион вокруг Польши, явно не приветствуется.

Можно ожидать, что масштабы и политическая окраска празднования грюнвальдской годовщины будут возрастать по мере роста авторитета Республики Польша в объединенной Европе. Но 600-летие сражения Польша встретила не в лучшей геополитической форме.

Изначально в польских средневековых хрониках победа над Тевтонским орденом изображалась как событие, спасшее поляков от немецкой агрессии и даже физического уничтожения. В российской историографии XIX века возник образ многовекового славяно-немецкого противостояния, кульминацией которого стала Грюнвальдская битва, остановившая тевтонский «Дранг нах Остен». Воины Великого княжества Литовского именовались в дореволюционной литературе «русскими и литовцами»: особенный акцент делался на героическом подвиге трех смоленских полков, известном из хроники Яна Длугоша.

В Советском Союзе, особенно во время Великой Отечественной войны, Грюнвальдское сражение стало идеологическим символом, не уступающим по своему значению и мощи Ледовому побоищу.

В межвоенной независимой Литве, с ее культом «Витовта Великого», отношение к Грюнвальду было двойственным или даже тройственным: с одной стороны – безусловный триумф; с другой – литовское войско все-таки бежало с поля боя, о чем было неудобно вспоминать; вдобавок Вильнюс было оккупировано поляками, поэтому на восприятие истории частью литовского общества существенно влияли определенные полонофобские и германофильские настроения. В 1960-е годы реноме ратников ВКЛ подправил шведский исследователь Свен Экдаль, указавший, что их бегство,

Председатель Гродненского облисполкома Семен Шапиро, председатель Гродненского областного Совета депутатов Андрей Наумович и председатель Новогрудского райисполкома Анатолий Кулак на открытии V фестиваля средневековой культуры «Новогрудский замок – 2010»

вернее, отступление, могло быть завлекающим маневром с целью расстроить боевые порядки тевтонцев. «Жальгирис» (как дословно переводится слово «Грюнвальд» на литовский язык) стал своеобразным брендом советской Литвы.

В свое время выдающийся польский историк Юлиуш Бардах писал, что взгляд на историю Великого княжества Литовского эпохи Кревской унии может быть разным: одна перспектива открывается из Вавельского замка в Кракове, совсем другая — с Замковой горы в Вильнюсе, либо с днепровских круч в Киеве, либо с башен московского Кремля, либо с церковных колоколен Минска или Витебска... Переосмысливая это меткое высказывание, приходится еще раз с сожалением констатировать, что именно самобытный – белорусский – взгляд на Грюнвальд и его последствия еще не выработан. Хотя в нашем общественном сознании уже, к счастью,

прочно устоялась мысль, что большинство в войске ВКЛ в 1410 году составляли отряды из земель, входящих ныне в состав Беларуси и Украины, либо же, как Смоленск, относившихся в прошлом к белорусской этнографической территории.

Крайностью, конечно, является преувеличение масштабов и последствий Грюнвальдской битвы. Об этом в статье «Пра славу і блякласць Грунвальда» писал два года назад историк и публицист Геннадий Саганович. «Зразумела, гістарычныя міты — рэч натуральная, і нават карысная для разьвіцця нацыі. Але ўсяму ёсьць разумная мяжа, — отмечал он. — І зьмена мітычнага ўспрымання немцаў як «адвечных ворагаў», а Грунвальдзкай бітвы — як «выратаваньня» ад фізычнага зьнішчэньня ці асыміляцыі беларусаў, на спакойнае і рацыянальнае стаўленьне да адной зь вялікіх падзей нашай ваеннай гісторыі, была б і разумнай, і больш годнай памяці нашых далёкіх прашчурцаў, што склалі галовы ў той векапомнай сечы». Это высказывание, как и статья в целом, вызвало неоднозначную реакцию и даже откровенное непонимание позиции автора.

В принципе можно согласиться, прежде всего, с тем, что отношение к Грюнвальду должно быть спокойным и рациональным. Однако излишняя недооценка — такая же недопустимая крайность. Действительно, политические итоги Грюнвальдского сражения были внешне довольно скромны: Тевтонский орден продолжал свое существование и еще долго оставался довольно сильным противником, а победители удовлетворились денежной контрибуцией и согласием Ордена возратить Великому княжеству Литовскому в управление Жемайтию на время жизни великого князя литовского Витовта. Все это так — с одним лишь «но»: выплата контрибуции подорвала экономические основы процветания и военной мощи Ордена, а возврат Жемайтии, как выяснилось впоследствии, носил отнюдь не временный характер и, собственно, лишил крестоносцев последней идеологической опоры для пребывания в Прибалтике.

Недооценка Грюнвальдской битвы некорректна не только с научной, но и с общественно-политической точки зрения.

Доспехи и вооружение литовского воина и тевтонского рыцаря. Современная реконструкция

Нетрудно, впрочем, заметить (в том числе на примере высказываний Г. Сагановича), что недооценка или, наоборот, переоценка Грюнвальдского сражения связаны не с находками каких-либо новых исторических источников или с применением новых научных методик, а всего лишь с актуальными политическими тенденциями, берущими верх в тех или иных странах.

Концепция Грюнвальдской битвы как эпического славяно-немецкого противоборства не совсем удачна с научной точки зрения, поскольку главным камнем преткновения между ВКЛ и Тевтонским орденом являлась балтская Жемайтия, а не славянские земли. Эта концепция годится для держав с ярко выраженным, исторически сложившимся геополитическим объединительным мессианством, то есть для Польши и России. Для Беларуси, традиционно вынужденной лавировать между центрами силы, такое восприятие Грюнвальда выглядит как одежда не по росту, с чужого плеча.

Примером собственного творческого переосмысления Грюнвальдской битвы, выполненного с национальных позиций, могут служить наработки литовской историографии, прежде всего не так давно выпущенная «История Литвы» Эдвардаса Гудавичюса. При сдержанной оценке унии с Польшей книга практически полностью замалчивает наличие в Великом княжестве Литовском богатой православной культурной и этнической традиции: вообще весь «русинский» компонент в истории ВКЛ представлен как бы нехотая, скороговоркой. Исторический путь литовского народа изображен как неуклонное движение в католическую Европу, которому препятствовал Тевтонский орден, исход от Востока на Запад, бегство от Руси, будто бы ненароком доставшейся Литве в обладание, к вожделенному средневековому прообразу Евросоюза. «Впервые Великое княжество Литовское вырвалось из постоянной войны, из тисков напряженности на всех своих рубежах и реальной угрозы утратить этническую территорию. Тевтонский орден, как огромный валун, перекрывал Литве путь в Европу. Эта преграда была устранена», — торжествующе оценивает Эдвардас Гудавичюс итоги Грюнвальда.

Такая концепция идет рука об руку с чрезвычайно высокой оценкой политической деятельности Витовта. Если для литовцев он в первую очередь объединитель народа, обеспечивший присоединение Жемайтии к Великому княжеству Литовскому и прорубивший «окно в Европу», то многие белорусские исследователи, особенно начального «романтического» периода белорусской историографии, хвалят Витовта в общем-то за то же самое — за создание огромного государства от Балтийского до Черного моря, обладавшего большим авторитетом в Европе. Такая похвала уместна для книг с названиями вроде «Белорусское государство Великое княжество Литовское» (М. Ермолович), но поскольку ВКЛ все же, смею думать, не было сугубо белорусским государством, то по трезвом размышлении особую пользу для предков белорусов от кипучей деятельности Витовта найти довольно сложно.

Большинство характеристик Витовта в популярной литературе основано на исторических источниках, к созданию которых приложил руку сам Витовт. Это — «Летописец великих князей литовских», «Мемориал Витовта» (1390), «Похвала Витовту» (1428), обширная переписка его с Тевтонским орденом и дворами европейских монархов. Если же начать задавать источникам неудобные вопросы, то благородный и мудрый государственный муж вполне возможно оказывается причастным к заговору против собственного отца князя Кейстута. Дважды Витовт предавал ВКЛ, убегая к крестоносцам и обещая отдать им огромные территории до самого Гродно, дважды приводил войска интервентов на свою родину, сжигавшие и опустошавшие целые волости (так исчез с лица земли древний Кернов), и дважды Витовт предавал самих крестоносцев, нанося им удары в спину. Трижды Витовт менял религию: католичество, православие, потом опять католичество. Князю Коригаило Ольгердовичу, схваченному при осаде Вильно, по его приказу отсекли голову и носили ее, насадив на пику. Другого — пинского князя Василя Наримонтовича — он велел повесить за ноги на дерево и расстрелять из луков. Современники, как писал Ян Длутош, подозревали Витовта в отравлении его политического соперника — керновско-

го князя Александра Вигунта Ольгердовича. Ряд современных историков, начиная с Александра Барбашева, предполагают, что он был причастен и к отравлению другого своего заклятого врага — киевского князя Скиргайло Ольгердовича. Карачевского князя Ивана Мстиславича Хотета в 1418 году Витовт обвинил в измене и казнил: как полагали польские и немецкие хронисты, только для того, чтобы жениться на его вдове Ульяне.

Политика Витовта на восточных рубежах ВКЛ отличалась авантюризмом: стремясь к захвату новых территорий, он постоянно создавал, говоря современным

языком, источники напряженности в отношениях с Ордой, Псковом, Великим Новгородом, Москвой. Авантюрой была аннексия Смоленска, поскольку Великое княжество Литовское не обладало достаточными военными, а главное, духовными, интеллектуальными силами для удержания этой земли. «Великий стратег» загубил лучшее войско ВКЛ на Ворскле (1399), поставил под татарский удар Киевщину и Волынь и еще прочнее завязал узел своей политической зависимости от Польши, от которой не

смог избавиться до самой смерти. То, что некоторые историки со скромной похвалой и ложным пониманием называют неудавшейся «репетицией» Грюнвальда, стоило жизни тысячам западнорусских князей и бояр, элите Западной Руси.

История с неудавшейся коронацией Витовта в 1429–1430 годах только подчеркивает тупиковость его политики: даже в случае получения им королевского титула это не принесло бы никаких дивидендов государству. Витовт не имел ни наследника, ни названного при жизни политического преемника, поэтому королевский титул он не смог бы передать по наследству. Интеграционные договоренности с Польшей, в которых он увязал все глубже и глубже, предусматривали фактическую ликвидацию суверенитета ВКЛ после его смерти. Все

Участники фестиваля средневековой культуры «Новогрудский замок – 2010»

большое наделение привилегиями католиков в ущерб православному большинству населения заложило под фундамент ВКЛ «бомбу замедленного действия», которая угрожала безопасности государства на протяжении нескольких следующих столетий.

Государственное строительство, осуществлявшееся Витовтом, было рассчитано лишь на удержание им собственной власти и сохранение внешнего престижа в сложных взаимоотношениях с Польшей, Тевтонским орденом и Священной Римской империей. В долгосрочной перспективе эта политика, лучше всего выражаемая фразой «после нас хоть потоп», потерпела сокрушительный крах. Смута и гражданская война, вспыхнувшие в Великом княжестве Литовском сразу после смерти Витовта, только подчеркивали плачевное состояние раздираемого противоречиями государства и общества, которое он оставил после себя.

Результатом Кревской унии между Польшей и ВКЛ (1385) стало существенное изменение внешней политики Тевтонского ордена. Убедившись, что военной интервенцией и ставкой на князей-сепаратистов (того же Витовта) нельзя расторгнуть польско-литовский союз, крестоносцы взяли курс на мирные взаимоотношения с Великим княжеством Литовским. Салинский договор между Орденом и ВКЛ (1398) знаменовал собой официальное признание свершившейся христианизации Литвы и обращение крестоносцев к активной политике на русском и ордынском направлениях. Первоначальными целями Ордена было окончательное присоединение Жемайтии, де-юре принадлежавшей им еще с XIII столетия, и захват Пскова. В дальнейшем крестоносцы рассчитывали играть активную политическую роль во взаимоотношениях между княжествами Северо-Восточной Руси, Ордой и ВКЛ. Тем самым дальнейшее существование Ордена в Прибалтике получало легитимность, поскольку крестоносцы апеллировали к необходимости борьбы с «неверными», под которыми понимались не только язычники, но и «схизматики» (православные), а также Золотая Орда – верховный сюзерен русских княжеств.

Вместе с Орденом Великое княжество Литовское предпринимало военные кампании против татар в 1399 году и против

Памятные монеты Беларуси, Литвы, Польши и Украины, выпущенные в честь 600-летия Грюнвальдской битвы

Московского государства в 1406–1408 годах. Именно Орден мог бы стать ближайшим союзником ВКЛ, с помощью которого государство избавилось бы от излишней зависимости от Польши, предотвратило бы возвышение Москвы и гармонизировало бы внутренние взаимоотношения между католиками и православными.

Сближение с Орденом, тем не менее, было чревато определенными угрозами для безопасности Великого княжества Литовского. Крестоносное государство было для своего времени самым передовым в Европе в экономическом и финансовом отношении. Отторжение соседних польских земель происходило в целом по одинаковому сценарию: крестоносцы давали в долг кому-либо из князей крупные денежные суммы, а затем забирали землю в залог. Так Польша и Мазовия временно лишились Добжинской и Визненской земель. При продолжительной внутривнутриполитической нестабильности в Великом княжестве Литовском и существовании многочисленных князей, потомков Гедимина, претендовавших на верховную власть, Орден таким же способом мог захватывать крупные области ВКЛ. Поддержка крестоносцами опальных Гедиминовичей – сначала Витовта, затем – Андрея и Свидригайло Ольгердовичей, показала большую вероятность такого сценария.

Союз с Орденом требовал от Великого княжества Литовского более эффективных и энергичных внутренних преобразований, как экономических, так и политических, к которым не был готов ни Витовт, ни его ближайшее окружение, состоявшее в подавляющем большинстве из нобилей балтского происхождения. И Витовт, мать которого была родом из Жемайтии, и его советники взяли курс на военную конфронтацию с Орденом и удержание Жемайтии. Эта политика, приведшая к Грюнвальдской битве, соответствовала интересам и чаяниям литовского католического боярства, но была чужда населению православных регионов ВКЛ. В конечном итоге время показало ошибочность выбранной Витовтом стратегии, так как с присоединением нищей Жемайтии Великое княжество Литовское ничего не выиграло в экономическом отношении, зато усилился дисбаланс между различными частями государства.

По мнению многих историков (в Беларуси – Игоря Марзалюка), Кревская уния стала препятствием на пути естественного развития Великого княжества Литовского как православной державы. Постепенная рутенизация балтского населения, принятие балтами-язычниками русского языка, культуры, религии со временем придало бы Великому княжеству Литовскому более однородный этнокультурный и этноконфессиональный характер, сделало бы его, по выражению известного историка Владимира Антоновича, действительно «Великим княжеством Западнорусским». В результате удалось бы избежать последующей колонизации правящей верхушки и ее культурного и языкового разрыва с собственным народом; православное население не было бы в этом государстве на вторых ролях, дискриминируемым объектом манипуляций и униатских экспериментов. Но сближение с Польшей прервало этот процесс.

Почти сорокалетнее правление Витовта, нацеленное на присоединение и католическое крещение Жемайтии, стало логическим продолжением Кревской унии. Оно еще больше отдалило ВКЛ от православного, «русского» вектора развития и заложило зародыши будущих межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

Трагическим уроком и Кревской унии, и Грюнвальдской битвы для белорусов является то, что авантюристическая политика, поставившая государство в зависимость от личных княжеских амбиций, не предусматривавшая преобразований, рассчитанных на долгосрочную стабилизацию внешне- и внутривосточных отношений, неизбежно привела Великое княжество Литовское к невыгодным интеграционным альянсам и кровавым военным конфликтам, не отвечавшим насущным потребностям всего государства и общества.

Проще говоря, хотя предки белорусов выставили на Грюнвальдское поле едва ли не большинство хоругвей ВКЛ, но сражались они не за свои интересы, а за интересы предков поляков и литовцев. В пользу этого мнения отчасти говорит и факт, отмечавшийся исследователями: в белорусско-литовских летописях Грюнвальдскому сражению уделено очень мало внимания.

Инерция общественного восприятия тех или иных исторических событий весьма велика, особенно если оценка этих событий основывается на советском наследии (для «традиционалистов») или на авторитетной западной традиции (для «западников»). Именно в силу этого трактовки Грюнвальда в духе славяно-немецкого противоборства, на мой взгляд, будут сохраняться еще долго. Устойчивость таким трактовкам придает еще и то, что и польский, и российский/советский взгляды на Грюнвальдские события принципиально мало чем отличаются между собой. Тем не менее выработка самостоятельной белорусскоцентричной концепции Грюнвальда рано или поздно потребует отхода от этих трактовок подобно тому, как это сделала литовская историография.

На выставке в Гродненском историко-археологическом музее, посвященной 600-летию Грюнвальдской битвы

В настоящее время основная тенденция восприятия Грюнвальда в белорусском обществе зависит не столько от осмысления самого Грюнвальда и, говоря шире, отечественного средневековья, сколько от внешних обстоятельств. Коль скоро стержнем нашего национального самосознания остается Великая Отечественная война, то сражение 600-летней давности воспринимается примерно в том же ключе (смертельная схватка «наших» с «немцами»), но, естественно, как событие, справедливо меркнувшее в сиянии Великой Победы над фашизмом. Возможно, при нынешнем состоянии белорусской исторической науки это самый рациональный подход.

Олег ЛИЦКЕВИЧ ▀